

Затея Гу Сяодуна с «живой преградой» увенчалась успехом: пускай под дых он всё-таки схлопотал, нога конюха прилетела не зря. Опустившись перед ним на колени, Гу Цзиньюй заботливо помог ему подняться и принялся мягко расспрашивать о случившемся. Рядом Чжан Дэнцин вовсю надрывал глотку, уверяя, что они — дальняя родня клана Гу. Задав несколько учтивых вопросов, молодой господин без лишних проволок увёл их за собой в усадьбу.

Гу Сяодун облегчённо выдохнул. О боли в животе он мигом позабыл и, сияя от радости, ухватил Чжан Дэнцина за руку. Слегка встряхнув её, чтобы унять дрожь названного брата, он зашептал тому на ухо:

— Гэгэ, всё в порядке, живот почти не болит. Я притворялся, честно-честно!

Только тогда суровые складки на лбу Дэнцина немного разгладились.

Попав внутрь, Гу Сяодун обомлел: поместье князя Чжэньбэй оказалось невообразимо огромным. Слуги и служанки сновали туда-сюда с точностью и безмолвием шахматных фигур на доске. Всякий раз, стоило им пересечься с кем-то из челяди, в адрес их спутника неизменно звучало почтительное: «Четвёртый молодой господин». Лишь когда они миновали парадный двор и свернули на узкую боковую тропу, дышать стало свободнее — здесь почти не было людей, и воздух казался чище.

Их пропустили на удивление легко, и если у Чжан Дэнцина на душе скребли кошки, то Гу Сяодун чувствовал себя на редкость безмятежно.

Он с живым любопытством разглядывал шедшего впереди Гу Цзиньюй. Они ведь были ровесниками, однако Цзиньюй уже сравнялся ростом с Дэнцином. Судя по крепкой осанке и выверенным движениям, тот с малых лет упражнялся в боевых искусствах, но держался при этом с мягкостью и утончённостью благовоспитанного книжника. Говорил он плавно, с приятной интонацией, да и лицом выдался на зависть пригожим.

«И за какие такие заслуги Небо осыпало его всеми щедротами?»

Сяодун вздохнул от лёгкой зависти.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Гу Цзиньюй обернулся и негромко спросил:

— Всё ещё болит?

— Мне-то ничего, — отозвался Гу Сяодун, покосившись на Чжан Дэнцина, чьё лицо исказила угрюмая гримаса. — А вот брату досталось. Его по левой ноге пнули, он теперь прихрамывает...

Дэнцин тут же перехватил Сяодуна за плечо, оборвав его на полуслове, и требовательно уставился на их провожатого:

— Могу я узнать, куда почтенный нас ведёт? Неужто на аудиенцию к князю и княгине Чжэньбэй?

— Сперва я помогу вам устроиться, — с улыбкой ответил Гу Цзиньюй. — Отец сегодня занят приёмом важных гостей, так что освободится в лучшем случае лишь завтра. Как мне величать тебя, благородный кузен?

Гу Сяодун, в свою очередь, собственнически приобнял Дэнцина за плечи и бойко встрял в разговор, упреждая чужой ответ:

— У моего брата самое лучшее имя на свете — Чжан Дэнцин!

— И впрямь чудесное имя, — мягко кивнул Гу Цзиньюй. — Стало быть, тебя зовут Чжан Сяодун?

Мальчик смущённо потёр мочку уха:

— Ага, именно так.

Лишившись дара речи от такой бесцеремонности, Дэнцин лишь шутливо ущипнул Сяодуна за ухо. Тот, решив, что брат призывает его попридержать язык, заговорщицки прижал палец к губам и весело закивал.

Они шли в обнимку, без умолку шептались и строили друг другу рожицы. Деревенские сироты и не подозревали, что в знатных домах отпрыски благородных кровей с пелёнок приучены соблюдать строжайший этикет. В сравнении с суровыми устоями усадьбы Чжэньбэй их трогательная братская привязанность выглядела неотёсанным, едва ли не плебейским панибратством.

Пройдя ещё немного, Гу Цзиньюй внезапно замер на развилке.

Из-за поворота показалась целая процессия. Возглавляла её троица богато одетых юношей. Тот, что постарше — лет шестнадцати-семнадцати на вид, — держал за руку восьмилетнего мальчугана. По правую руку от него шёл изящный отрок лет двенадцати. Лицо у него было бледнее обычного, выдавая в нём болезненного, но удивительно хрупкого и красивого юношу.

Взгляд Гу Сяодуна невольно приковался к этому болезненному лику.

— Третий брат.

— Четвёртый брат!

Гу Цзиньюй и маленький мальчик заговорили одновременно, обменявшись чинными поклонами. Сяодун сообразил, что перед ними предстали старшие сыновья князя Чжэньбэй: наследный княжич Гу Пинхань и младший из братьев — Гу Шоуи.

Чжан Дэнцин внутренне сжался. Он украдкой взглянул на высокомерного, словно породистый журавль, Гу Пинханя. Тот в ответ ожёг его ледяным, пренебрежительным взглядом, от которого у Дэнцина по спине пробежали мурашки.

— Цзиньюй, ты припозднился, — отозвался Гу Пинхань. На губах его блуждала безупречная светская улыбка, однако голос звучал ровно и отстранённо, обдавая холодом. — В усадьбе нынче много забот. Закончишь с делами — сразу приходи в главный зал.

— Слушаюсь.

Малыш Гу Шоуи, крепко державшийся за руку старшего, во все глаза смотрел на Гу Цзиньюя, совершенно не замечая оборванных чужаков. Даже в моменты радости он ухитрялся стоять прямо и чинно, блюдя этикет:

— Четвёртый брат! К нам приехали третья барышня и четвёртый молодой господин из клана Су. Отец собирается нанести им ответный визит в два часа пополудни. Если ты не слишком устал с дороги, поедem с нами?

— С радостью, — тепло улыбнулся Гу Цзиньюй и перевёл взгляд на бледного юношу. — Минья, мы давно не виделись. Как твоё драгоценное здоровье? Пошло ли оно на поправку?

— Благодарю за заботу, Цзиньюй. Мне стало гораздо лучше, — тихо отозвался тот.

Гу Сяодун затаил дыхание, вслушиваясь в негромкую речь больного юноши.

«Су... Мин... я»

Мысленно, словно пробуя на вкус, повторил он эти три слога. На редкость нежное, благозвучное имя.

Голос Су Минья оказался неописуемо приятным, но в нём сквозило такое изнурение, что юношеская звонкость угасала, сменяясь глухим бессилием. Сяодуну почудилось, будто в его собственной груди жалобно натянулась и затрепетала тонкая струна.

Обменявшись ещё парой изысканных фраз, вельможные отроки разошлись. Гу Сяодун так и застыл на месте, провожая сияющим взглядом удаляющуюся фигуру Су Минья. Впрочем, никто из господ даже не удостоил его с Дэнцином мимолётным вниманием. Свита слуг, растянувшаяся позади господ длинным шлейфом, чинно прошествовала мимо, не поведя и бровью. С самого момента прибытия в поместье князя Чжэньбэй их двоих словно стёрли из

этого мира. Они были пустым местом, прозрачным воздухом. Сяодуну показалось, что закричи он сейчас во всё горло — никто даже ухом не поведёт.

Гу Цзиньюй больше не проронил ни слова. Он молча вёл их по запутанному лабиринту переходов и галерей, пока они не очутились у небольшого уединённого флигеля. Там их уже поджидал мужчина лет двадцати пяти на вид — управляющий Чжу. Изложив тому суть дела буквально в трёх предложениях, Цзиньюй напоследок тепло улыбнулся братьям: «Ожидайте меня к вечеру», — и тут же удалился.

Управляющий Чжу почтительно склонил голову, не став задавать лишних вопросов. Он бесстрастно проводил незваных гостей в отведённые покои и сухо бросил:

— Прошу устраиваться. Понадобится прислуга — звоните в колокольчик на столе.

— Чжу Ми откланивается.

Дверь с негромким стуком затворилась, оставив Чжан Дэнцина и Гу Сяодуна стоять посреди комнаты с вытянутыми лицами.

— И это всё? — нахмурился Чжан Дэнцин. — Просто заперли нас тут и ушли?

— Гэгэ, здесь и вправду невероятно строго, — с любопытством оглядываясь по сторонам, заметил Гу Сяодун. — Ты ведь терпеть не можешь рамки и запреты. Каково тебе?

Дэнцин отмахнулся от расспросов и тяжело вздохнул:

— Ладно, бог с ними. Что у тебя с животом? А ну-ка покажи.

Сяодун стянул рубаху. Посередине бледного живота багровел отчётливый след от чужого сапога, грозивший к вечеру налиться тяжёлым синяком. Дэнцин принялся вполголоса крыть привратника на чём свет стоит, а Сяодун, сочувственно кивая и сжимая кулачки, деловито добавил:

— Гэгэ, давай и твою ногу поглядим. Мы ведь делим невзгоды пополам.

Они бесцеремонно уселись прямо на край массивного деревянного стола. Дэнцин закатал штанину, а Сяодун так и остался сидеть с обнажённым торсом — оба с самым серьёзным видом принялись изучать синяки и ссадины друг друга.

Развязав походный узелок, Чжан Дэнцин достал баночку с дорогим целебным снадобьем. За те пять лет, что они провели в дорогах, промышляя мелкой торговлей, им удалось скопить приличное состояние. По меркам простых людей братья были весьма зажиточными, однако за

душой у них не имелось ни капли реальной власти. А когда у тебя есть богатство, но нет силы его защитить, ты становишься лёгкой добычей.

Дэнцин принялся осторожно втирать мазь в ушибленный живот Сяодуна, рассуждая с недетской серьёзностью:

— В поместье Гу порядки суровые, зато здешнюю неприязнь видно сразу. Это куда лучше, чем метаться по цзянху слепыми котятками. По крайней мере, тут никто внезапно не нападёт из-за угла, чтобы пустить тебя на лекарственную основу для какого-нибудь редкого яда.

— Ну, теперь-то ты можешь выдохнуть, — Сяодун шмыгнул носом и поспешил перевести разговор на более весёлую тему. — Гэгэ, помнишь того болезненного юношу, которого мы встретили по пути? Су Минья... Он такой утончённый и красивый.

— Как же, знаю его, — отозвался Дэнцин, тщательно растирая мазью покрасневшую кожу вокруг уха. — Его отец — нынешний канцлер Су. Клан Су связан родственными узами с кланом Гу. У канцлера три дочери и единственный сын. Старшая дочь — наложница императора, а вторая вышла замуж за младшего брата твоей покойной матушки, Ань Чжэньвэня. Выходит, он приходится тебе родным дядей по материнской линии. Весьма влиятельный человек, между прочим, в прошлом году блестяще выдержал императорские экзамены и стал Третьим лауреатом императорского экзамена.

Сяодун невольно поморщился от саднящей боли в животе, но упрямо продолжил:

— Ого, ничего себе!

— Клан Су — древний и знатный род, их корни куда глубже, чем у служивых Гу. Те лишь за два поколения военачальников выбились в люди, а Су — вековая знать, у них в каждом колене то министры, то учёные. Су Минья — их младший и единственный сын, любимец судьбы, родившийся с золотой ложкой во рту. Да только здоровье подкачало: с рождения мается одышкой и астмой, слаб на редкость. Клан Су из-за него каждый год раздаёт щедрую милостыню беднякам — надеются вымолить у Небес благословение и продлить его дни.

Дэнцин прервался и отвесил Сяодуну лёгкий щелчок по лбу:

— Ты чего это расспрашиваешь? Увидел хилого паныча и глаз положить успел?

Гу Сяодун в силу возраста ещё не осознавал своих скрытых пристрастий. Будь то врождённая черта характера или отголосок сиротского детства, но он испытывал непреодолимую слабость к немощным, хрупким красавцам. Ощукая смутное желание защитить их, он потёр ушибленный лоб и пробурчал:

— Да ну тебя... Просто он красивый. Очень.

— Эх ты, малявка, только о смазливых лицах и думаешь. А как же сыновья князя? Или тот проходимец, что вылитый ты?

— Они? — Сяодун на мгновение задумался, а затем с тихим смешком принялся за ногу брата.
— Они тоже очень красивые. И жизнь у них, должно быть, яркая, полная чудес. Они замечательные... просто совсем чужие.

У Чжан Дэнцина перехватило дыхание. Простые слова названного брата укололи его в самое сердце, отозвавшись щемящей тоской и состраданием.

В этот момент Сяодун случайно нажал на чувствительное сухожилие под его коленом, отчего Дэнцин едва не подпрыгнул на месте.

— Ой, я, кажется, попал по твоей точке смеха!

Оба покатались со смеху: Сяодун заливался от души, а Дэнцин — больше от неожиданности и щекотки.

В ту ночь братья спали крепко и сладко в своём тихом уголке огромной усадьбы. С тех самых пор, как ушёл из жизни Чжан Канье, им впервые не досаждали тревожные сновидения.

Гу Сяодуну снилось что-то тёплое и уютное; свернувшись калачиком под мягким одеялом, он готов был проспать до скончания веков, как вдруг тишину покоев пререзал истошный крик.

Сонный Сяодун, кутаясь в одеяло, с трудом разлепил веки и пробормотал:

— Гэгэ... Ты чего кричишь спозаранку? Кошмар приснился?

Они спали валетом, и, приподнявшись, мальчик сразу упёрся взглядом во взъерошенную макушку Дэнцина. Зрелище было уморительным.

— Ха-ха, у кого это воронье гнездо на голове? Ой, так это же ты!

Зажмурившись от утреннего солнца, Сяодун повалился обратно на подушки, намереваясь урвать ещё часок сна.

— Сяодун! — Дэнцин мёртвой хваткой вцепился в его плечи и принялся неистово трясти оцепенелого брата. — Кончай спать! Разуй глаза и посмотри... Твои отец и матушка пришли!

Сонную одурь Гу Сяодуна как ветром сдуло. Он испуганно вытянул шею, силясь разглядеть незваных гостей сквозь полумрак алькова.

За столом посреди комнаты восседал высокий, преисполненный величия мужчина благородной наружности, а подле него — статная, холодная и ослепительно красивая женщина. Одно лишь их присутствие превращало скромную гостевую обитель в подобие императорского чертога.

На столе лежал раскрытый дорожный узелок Дэнцина, явив миру все скромные пожитки братьев. Мужчина неторопливо перебирал пожелтевшие письма Чжан Канье, а пальцы госпожи бережно сжимали нефритовое кольцо — их единственную ценную реликвию.

В каждом их жесте читалось высокородное величие и привычка повелевать. Они идеально дополняли друг друга, так что у Дэнцина не возникло ни тени сомнения в том, кто предстал перед ними. То были хозяева поместья.

Князь Чжэньбэй, Гу Янь, оторвал взгляд от писем и глухим, ровным голосом спросил:

— Дальние родственники клана Гу?

Мальчишки на кровати замерли, боясь даже вздохнуть. От этой властной ауры их пробирала мелкая дрожь.

Княгиня Чжэньбэй, Ань Жои, бережно опустила кольцо на стол и ласково поманила Сяодуна рукой:

— Дитя моё, подойди ближе.

Слова предназначались ему. В груди Сяодуна всколыхнулся безумный вихрь чувств: животный страх мешался с безудержной, детской радостью. Мысли спутались в плотный клубок. Запутавшись в одеяле, он скатился с постели и, словно круглый неуклюжий цыплёнок, бросился к незнакомцам.

Ему было всего двенадцать лет, и его память хранила лишь последние пять лет скитаний. Он был слишком мал, и отчаянная, почти болезненная жажда родительского тепла мигом заглушила любые опасения.

Оказавшись у стола, он уставился на княгиню сияющими от подступающих слёз глазами, на губах его заиграла робкая улыбка.

Он так и стоял перед ними — глупый, завернутый в одеяло ребёнок, не способный вымолвить ни единого слова.

Эта немота станет его верной спутницей на долгие годы жизни в усадьбе князя Чжэньбэй.

<http://bllate.org/book/20609/2106154>